

ческой красоты, которая въ высшемъ проявленіи своемъ говоритъ не одному какому-нибудь чувству, но всему существу нашему, затрогивая въ богатомъ резонансѣ всѣ наши духовныя силы. Чѣмъ сильнѣй это совершается, тѣмъ выше произведеніе.

XIX-й вѣкъ ищетъ единства въ сложности; онъ въ то же время разграничилъ области духовной дѣятельности и напелъ связь между ними; всѣ категоріи объединяются, подчиняясь общему началу; силою этой связи каждой отдѣльной функціи предоставляется болѣе обширный и плодотворный кругъ дѣйствія. Посредствомъ тщательнаго знакомства и изученія всѣхъ сферъ конкретнаго и объединенія всѣхъ данныхъ онъ надѣется приблизиться къ той безусловной истинѣ, которую онъ ищетъ въ наукѣ и въ жизни, въ искусствѣ, въ поэзіи и въ вѣрованіи. Эта горячая любовь къ истинѣ, эта неутомимая пытливость даютъ XIX-му вѣку отличающій его характеръ грандіозности, но и мучительнаго напряженія.

Въ искусствѣ каждая школа ищетъ лозунга для своего знамени. Въ поэзіи романтики, избравшіе истину девизомъ и предметомъ поэтического культа, все еще ищутъ истиннаго примѣненія провозглашаемаго ими принципа. Человѣкъ ждалъ появленія абсолютной истины въ философіи, но, обманутый, отказывается отъ нея во имя положительнаго знанія, и она удаляется, увлекая за собой вѣрованіе, оставляя за собой сомнѣнія и отрицанія.

Нѣкогда въ древности, когда старыя вѣрованія рушились, наганувъ замѣны ихъ другими, слышались голоса, возвѣщавшіе объ окончательномъ упадкѣ существовавшаго дотогѣ общественнаго строя: „Умеръ Панъ!“ раздалось у берега цвѣтущей Греціи. „Уходятъ боги!“ послышалось въ храмѣ разлагающагося Рима. И языческій міръ, неясно сознавая, что совершается чтò-то великое, но разрушительное, со скорбью повторялъ: „умеръ Панъ! уходятъ боги!“, прощаясь съ вѣрованіями предковъ.

Нѣчто подобное совершается и въ наше время. И XIX-й вѣкъ не разъ говорилъ обществу подобное, и многіе, желая идти съ вѣкомъ, не понимая, что переживаютъ время кризиса, повторяли слышанное.

Но вѣрованія не умираютъ; символы мѣняются, но начало, одухотворяющее ихъ, остается. Не умираютъ идеалы человѣческіе, но видоизмѣняются и временно затемняются. Не умираютъ боги. Но не въ однихъ храмахъ живутъ они, гдѣ величавость обрядовъ служить одеждой и выраженіемъ тому, чтò живетъ въ сознаніи человѣка и коренится въ вѣчныхъ требованіяхъ его духа. XIX-й вѣкъ признаетъ возможность вѣры внѣ догмата, ищетъ ея